

СОДЕРЖАНИЕ

К 110-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н.Д. КОНДРАТЬЕВА

Н. Макашева – Загадка Н.Д. Кондратьева: неоконченная теория динамики и методологические проблемы экономической науки	4
---	---

ВАЛЮТНЫЙ КУРС И ЗОЛОТОВАЛЮТНЫЕ РЕЗЕРВЫ

В. Бурлаков – Современные проблемы теории валютного курса	17
Т. Золотухина – К вопросу об определении уровня достаточности официальных золотовалютных резервов	31

С. Валентей, Л. Нестеров – Россия в меняющемся мире: внешние и внутренние вызовы	51
---	----

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ФИНАНСОВЫЕ ИНСТИТУТЫ И РОССИЯ

Отчет Консультативной комиссии конгресса США по международным финансовым организациям (гл. 3. Международные банки развития)	65
Результативность взаимодействия России с Всемирным банком и другими международными финансовыми организациями (обзор)	78
В. Минц – Принципы оценки эффективности кредитов Всемирного банка (на примере Жилищного займа)	86

В. Папава – О некоторых ошибках Международного валютного фонда в Грузии	99
--	----

ЭКОНОМИКА СНГ

Н. Зиядуллаев – Экономика стран Содружества в условиях глобализации	113
Ю. Иванов, Б. Рябушкин – Итоги развития экономики стран–членов СНГ в 2001 году	124

ЗАМЕТКИ И ПИСЬМА

О. Красильников – Еще раз к критике теоремы Коуза	138
--	-----

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ

С. Дзарасов – Возможен ли рост российской экономики? (о книге Д. Львова "Экономика развития")	142
Ю. Латов – Экономика развития – для развивающейся России (о книге Р. Нуриева "Экономика развития: модели становления рыночной экономики")	148

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Узбекистан: десять лет по пути формирования рыночной экономики	155
---	-----

Аннотации к статьям номера (на английском языке)	158
---	-----

Н. МАКАШЕВА,
доктор экономических наук,
зав. отделом ИИОН РАН

**ЗАГАДКА Н.Д. КОНДРАТЬЕВА:
НЕОКОНЧЕННАЯ ТЕОРИЯ ДИНАМИКИ
И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ***

*“Все самое бесценное в преходящей
человеческой, часто очень тяжелой
жизни, – это мысль во всех ее формах”.*

(Н.Д. Кондратьев. Из письма от 11.08.33)

17 марта 2002 г. исполнилось 110 лет со дня рождения выдающегося российского экономиста Николая Дмитриевича Кондратьева (1892–1938) – гордости отечественной экономической науки, ученого, который принадлежит к числу очень немногих советских/российских экономистов, получивших всемирную известность, и, увы, к числу очень многих, чья трагическая судьба еще долго будет укором истории нашей страны. В 2002 г. исполняется также 15 лет со дня окончательной реабилитации ученого, наконец, 10 лет с момента проведения на Родине Кондратьева первой большой международной научной конференции, посвященной его памяти. Два последних обстоятельства напоминают об огромных изменениях, произошедших в стране со времени романтического периода начала демократических преобразований – периода, отмеченного взрывным интересом к истории отечественной экономической науки, надеждой на то, что соединение достижений экономистов прошлого и современной мировой экономической мысли обеспечит надежную теоретическую основу реформ, и стремлением восстановить историческую справедливость.

Все это накладывало отпечаток на восприятие возникающих из небытия имен и идей. Оценивая научное наследие многих наших ученых, ставших жертвами репрессий, было трудно отрешиться от мысли об их

---

* Рассказ о биографии ученого и описание его многогранного наследия см. в: Абалкин Л. Научное наследие Н.Д. Кондратьева и современность. Доклад на Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Н.Д. Кондратьева. М.: Институт экономики РАН, 1992; Белянова Е., Комлев С. Творческое наследие Н.Д. Кондратьева и современность. – Мировая экономика и международные отношения, 1990, № 8.

трагической судьбе и анализировать научные идеи в контексте развития мировой науки. Прошлое проявило себя специфически и в том, какой образ ученого сложился за несколько предшествовавших десятилетий. Несмотря на замалчивание имени Кондратьева в СССР, за рубежом были известны некоторые его работы – они “проникли” туда еще в 1920-е годы, впоследствии переиздавались и вызывали заметный отклик¹. Наконец, забвение на Родине все-таки не было полным – труды Кондратьева находились в крупных научных библиотеках, его имя упоминалось даже в энциклопедиях, разумеется, в определенном контексте. Проблема заключалась прежде всего в том, что его идеи долгое время не были востребованы отечественными экономистами.

Сегодня трудно представить, каким событием стало первое позитивное упоминание в нашей печати концепции длинных волн Кондратьева в 1984 г.², с какой осторожностью дочь ученого рассказала о сохраненной рукописи отца “Основные проблемы экономической статики и динамики”, написанной им в Бутырской тюрьме, и о письмах из мест заключения, как было встречено решение о его реабилитации, с каким подъемом шла работа над первым после долгих лет изданием сборника работ Кондратьева³ и первой публикацией “Основных проблем”, потребовавшей огромной текстологической и библиографической работы. Значительным общественным и научным событием стала первая международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Н.Д. Кондратьева, на которой был учрежден Международный фонд Кондратьева.

Из большого числа публикаций работ Н.Д. Кондратьева как в России, так и за границей особо отметим сборник, посвященный проблемам длинных волн и конъюнктуры, опубликованный во Франции в 1992 г., и четырехтомное издание его трудов в Англии в 1998 г., включающее первую публикацию за рубежом книги “Основные проблемы экономической статики и динамики”⁴. Можно сказать, что с

¹ Так, с точки зрения интеграции идей Кондратьева в мировую науку трудно переоценить значение обзорной работы Дж. Гарви (Garvy G. Kondratieff's Theory of Long Cycles. – Review of Economic Statistics, 1943, vol. 25, No 4) или то, что в 1934 г. Й. Шумпетер связал имя Кондратьева с длинными волнами конъюнктуры (Шумпетер Й. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982, с. 49). Знакомство мирового научного сообщества с трудами Кондратьева началось с публикаций его статей по проблемам динамики и длинных волн, а также работ, отражающих деятельность Конъюнктурного института: The Static and Dynamic View of Economics. – Quarterly Journal of Economics, 1925, vol. 39, No 2; Die langen Wellen der Konjunktur. Archiv für Sozialwissenschaften und Sozialpolitik, 1926, Bd. 56, Hft.3; The Conjunction Institute at Moscow. – Quarterly Journal of Economics, 1925, vol. 39, No 2; Die Konjunkturforschung in Sowjetrussland. – Magazin der Wirtschaft, 1926, No 49 (последняя совместно с М. Игнатьевым). После всплеска интереса к работам Н.Д. Кондратьева на Западе в 1920-е годы в течение нескольких десятилетий подобные публикации были единичными, и только в 1970-е годы опять появляются перепечатки работ Кондратьева, а в 1984 г. отдельной книгой издается в США перевод его знаменитого доклада 1926 г. о больших циклах конъюнктуры.

² Меньшиков С. Структурный кризис экономики капитализма. – Коммунист, 1984, № 4.

³ Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. М.: Экономика, 1989.

⁴ Kondratieff N.D. Les grands cycles de la conjoncture. Fontveille L. (ed.). Paris, Economica, 1992; The Works of Nikolai D. Kondratiev. N. Makasheva, W. Samuels, V. Barnett (eds). 4 Vols. L.: Pickering&Chatto, 1998.

точки зрения публикации работ ученого справедливость восстановлена. Однако, размышляя о развитии науки вообще и о специфическом опыте этого развития в нашей стране, нельзя не признать, что в истории науки принцип “исправить никогда не поздно” вряд ли действует. Время необратимо: изменяются содержание проблем, инструментарий анализа, понятийный аппарат; то, что семьдесят лет назад было сказано и воспринято научным сообществом, стало составной частью эволюции идей, а то, что открывается с семидесятилетним опозданием, в определенном смысле остается утраченным.

Примером того, что было услышано у Кондратьева, безусловно, служит концепция длинных волн. Неудивительно, что за рубежом в экономических публикациях его имя связано почти исключительно с этой концепцией⁵, данная тематика также преобладает в отечественных публикациях последних пятнадцати лет. Сказанное не означает, что работы, которые были неизвестны современникам автора, не могут представлять интерес сегодня. Несмотря на почти семь прошедших после трагической гибели Н.Д. Кондратьева десятилетий, принципиальные методологические и теоретические проблемы, все еще ждущие своего решения, остались, по существу, теми же, хотя изменились их формулировки и трактовки. К их числу относятся: проблемы соотношения теоретического и эмпирического знания; индивидуального и социального (холизма и индивидуализма и в ее более современной и несколько формальной трактовке – соотношения макро и микро); проблема времени в экономической науке (связанные с ней проблемы динамики, включая циклы и тренды).

Что касается проблемы времени в экономической науке в целом и динамики в частности, то именно трудности построения абстрактной теории динамики в рамках неоклассической парадигмы, которые осознавались еще в 1920-е годы (в действительности даже раньше), побудили сначала Й. Шумпетера, а позже ряд других экономистов – сегодня это направление возглавляют Р. Нельсон и С. Уинтер⁶, обратиться к эволюционному подходу. С ним связано стремление не только отойти от равновесных моделей и отказаться от их базисных предпосылок (например, об экзогенности технологий и предпочтений), но и расстаться с ньютоновскими представлениями об экономическом порядке как состоянии (*being*) и заменить их трактовкой порядка как становления (*becoming*)⁷. Что же касается теории циклов, то не

---

⁵ К счастью, благодаря новым переводам стали появляться работы, посвященные и другим проблемам. Например, Carry A. Uncertainty in the Writings of Kondratiev. In: Schmidt C. (ed.). *Uncertainty in Economic Thought*. L.: Edward Edgar, 1996.

⁶ Разумеется, между Шумпетером и современными эволюционистами существуют принципиальные различия. Так, для Шумпетера эволюционный принцип был способом объяснить природу капитализма, а для других – скорее, описать функционирование сложной системы взаимодействующих субъектов в условиях неопределенности.

⁷ Одним из наиболее ярких и последовательных критиков идеи порядка как состояния был, разумеется, Ф. Хайек. Выступая в 1930–1940-е годы против теории рыночного социализма, он в действительности поставил более общую проблему – господства в экономической науке механистического, “равновесного” мировоззрения, наиболее последовательным воплощением которого была теория общего экономического равновесия. Ф. Хайек показал, что подобная философия не только исключает

только трудности с объяснением наблюдаемых фактов, но и принципиальное несоответствие между идеей равновесия, лежащей в основе абстрактной экономической теории, и представлением о цикле как об отклонении от равновесия стимулировали появление таких новейших концепций, как теории равновесного и реального циклов.

По остроте дискуссий, глубине обсуждаемых проблем и изменениям в научном инструментарии период, на который пришелся пик творческой активности Н.Д. Кондратьева, был одним из самых плодотворных в развитии экономической науки XX в. Его принято называть временем завершения эпохи А. Маршалла и, если использовать знаменитое высказывание Дж. Шэкля, – первыми “годами высокой теории”. Методологические дискуссии 1920-х годов отражали объективную двойственность экономической науки. С одной стороны, ей присуще стремление к строгой логике абстрактной дедуктивной науки, исследующей некие универсальные закономерности человеческого поведения в области хозяйствования (как следствие, приверженность принципу методологического индивидуализма) и преследующей аналитические цели. С другой стороны, она характеризуется практической направленностью, заставляющей экономиста иметь дело с эмпирическими фактами и данными, представлениями о хозяйстве как о социальном явлении. Конечно, теоретическая и эмпирическая составляющие есть в каждой науке. Но проблема экономической науки заключается в том, что эмпирические исследования, по крайней мере исторически, относились к процессам в экономике в целом, а теоретические исследования были сосредоточены на изучении поведения рационального экономического субъекта, в котором трудно было обнаружить проявление социальной природы хозяйственных процессов.

Теория общего экономического равновесия – вершина абстрактного подхода и основа современной экономической теории, представляла хозяйство в виде совокупности обособленных рациональных экономических агентов, в неких совершенных рыночных условиях оптимизирующих свои целевые функции. Она сосредоточила внимание на изучении состояния, при котором все участники удовлетворены достигнутым результатом, и, следовательно, отсутствуют внутренние причины к его изменению. Абстрактный характер этой теории открывал значительные возможности в области формального анализа и в то же время делал ее мишенью критики. Ее легко было упрекнуть в отрыве от реальности, в том числе и в невнимании к возникающим в реальной экономике проблемам. Действительно, теория равновесия развивалась в основном под воздействием собственной внутренней логики. Попытку успокоить чуткую совесть экономиста-теоретика предпринял в середине 1930-х годов Л. Роббинс, который определил ее как область знания, изучающую поведение людей, стремящихся

анализ развития, без которого невозможно представить само существование нашей цивилизации, но и открывает дорогу социальной инженерии со всеми таящимися в ней опасностями. Его концепция расширенного порядка явилась альтернативой подобной философии, центральным моментом которой было понятие процесса. Его результаты не могут быть известны заранее, но он предполагает определенную согласованность, то есть порядок.

оптимальным образом использовать ограниченный запас ресурсов. В этом случае усовершенствование теории означало усовершенствование научного аппарата, и, следовательно, большинство претензий содержательного характера теряло смысл.

В то же время сторонники эмпирического подхода располагали мощными и очевидными аргументами в пользу своей позиции. Накопленная статистическая база и разработанный инструментарий позволяли давать внятные ответы на практические вопросы и тем самым противостоять претензиям абстрактной теории на статус единственно научной. В начале XX в. это направление возглавляли американские институционалисты. Как отмечал принадлежавший к этому направлению Т. Веблен, целью было создание “культурологической” экономической теории, базирующейся на антропологии, социальной психологии и социологии⁸. И хотя мечта американских институционалистов не осуществилась, работы У. Митчелла по проблемам циклов (столь близкие по духу Кондратьеву), в которых были “уникальным образом соединены экономическая история, теория и статистика”, стали высшим достижением институциональной школы⁹. Именно теория циклов оказалась ареной борьбы двух противостоящих методологических позиций в 1920–1930-е годы, не случайно именно проблема цикла определила начало теоретических исследований Н.Д. Кондратьева.

Говоря о борьбе “эмпириков” и “теоретиков”, необходимо иметь в виду, что хотя в принципе эмпирические исследования индивидуального поведения возможны, в рассматриваемый период они были связаны со сбором и анализом агрегированных данных и с попытками установить статистические зависимости между макропоказателями. При этом сразу же возникла проблема содержательной интерпретации статистических закономерностей, ведь действующим субъектом является индивид, а закономерности, о которых идет речь, получены статистически на базе агрегированных данных, к индивиду прямого отношения не имеющих. В этом и состоит суть проблемы, известной сегодня как проблема редукции микро- и макроподходов¹⁰.

---

⁸ Veblen T. Preconceptions of Economic Science. In: The Place of Science in Modern Civilization. N.Y.: B.Huebsch, 1919, p. 149.

⁹ Рима И. Неоклассическая теория и раскол: 1890–1930 гг. В кн.: Современная экономическая мысль. М.: Прогресс, 1981, с. 62. Заметим, что устремления институционалистов проявились не только в исследованиях, но нашли свое институциональное выражение в виде специализированных исследовательских центров. Одним из наиболее авторитетных из них остается Национальное бюро экономических исследований, созданное и несколько лет взглавлявшееся У. Митчеллом.

¹⁰ Как свидетельствует история, возможны два принципиальных пути разрешения этого противоречия: либо пытаться дать микроэкономическое обоснование макрозвисимостям, то есть признать законность проблемы редукции и пытаться найти способ получения макроэкономических зависимостей из микроэкономических, либо вообще “отказать” макроэкономическим зависимостям в каком-либо содержании и рассматривать их не более чем статистические артефакты. Бескомпромиссно отстаивали последнюю точку зрения – принцип методологического индивидуализма, представители австрийской школы. Но жизнь им “портили” отдельные обстоятельства, например, деньги, функционирование которых невозможно объяснить, не выходя за рамки методологического индивидуализма.

Абстрактная теория предопределила и другую “вечную” проблему – статики и динамики. Очевидно, что статический подход органически сочетается с теорией равновесия, но вопрос состоит в том, реально ли вообще в рамках абстрактной теории построить теорию динамики, а также, можно ли это сделать в рамках той абстрактной теории, сложившейся в экономической науке, в основе которой лежала модель индивидуального поведения. Наиболее простым способом ухода от равновесной модели является, как известно, сравнительная статика, рассматривающая последствия экзогенных изменений параметров. Хотя сравнительная статика и позволяет получить некоторую информацию о процессе перехода от одного состояния равновесия к другому, она сосредоточена на исследовании состояний равновесия. Более того, не решили эту проблему и проводившиеся в 1930-е годы экономистами-математиками исследования процессов в окрестности точки равновесия¹¹. Вопрос о принципиальной возможности абстрактной теории динамики оставался открытый.

Позднее на данный вопрос был дан отрицательный ответ: в рамках существующей абстрактной экономической теории в силу специфики ее исходных предпосылок и используемого инструментария динамическая теория создана быть не может¹². Однако сформулированное до этого предложение Шумпетера по радикальному пересмотру основ абстрактной теории было упреждающей попыткой показать, как можно изменить модель поведения экономического субъекта, чтобы сделать теорию динамики возможной¹³. Кондратьев же предлагал изменить не модель индивидуального поведения, а инструментарий анализа – использовать статистико-вероятностный принцип.

Методологическую и теоретическую сверхзадачу Н.Д. Кондратьева можно сформулировать следующим образом: создание основ теории социальной экономии и на ее базе – теории социально-экономической динамики, составной частью которой является теория циклов, в том числе и больших. При этом хронологически первой областью, где Кондратьев не только продемонстрировал возможности эмпирического метода в противовес теоретическому, но и опробовал некоторые из своих, еще не четко сформулированных идей, была проблематика циклов. Последнее обстоятельство не случайно, поскольку, как он потом будет утверждать, наука может иметь дело прежде всего с регулярными повторяющимися событиями¹⁴.

Уже в самой первой посвященной циклам работе – “Мировое хозяйство во время и после войны” (1922 г.)¹⁵ – Кондратьев опре-

¹¹ См., например: Современная экономическая мысль Запада. Под ред. Вайптрауба С. М.: Прогресс, 1981, гл. 22.

¹² См., например: Northrop F. The Impossibility of a Theoretical Science of Economic Dynamics. – The Quarterly Journal of Economics, 1941, vol. 56, November.

¹³ Шумпетер Й. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982, гл. 2.

¹⁴ Кондратьев Н.Д. Основные проблемы экономической статики и динамики. М.: Наука, 1991, гл. 9; К вопросу о понятиях статики, динамики и коньюнктуры. В кн.: Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики.

¹⁵ Эта работа конкретно-эмпирического характера была непосредственно посвящена одному циклу – прерванному войной и завершившемуся кризисом 1920–1921 гг., который чрезвычайно востревожил экономистов с точки зрения перспектив капиталистической экономики.

деляет принципиальные моменты своей методологической позиции. Он пишет о хозяйстве как о системе взаимоотношений и связей элементов и одновременно говорит о различных подходах к ее анализу – динамической и статической точках зрения, по существу, отождествляет теорию конъюнктуры¹⁶ с теорией циклов и называет ее составной частью теории динамики. Он утверждает, что динамическая теория как теория, устанавливающая закономерности изменения элементов хозяйственной жизни в их взаимосвязи, *в принципе возможна*¹⁷, а ее практическая значимость и научная достоверность определяются качеством прогноза, который может быть сделан на ее основе. Последующие работы, включая и знаменитый доклад “Большие циклы конъюнктуры”, во многом представляют собой развитие и содержательное наполнение названных методологических установок и одновременно движение в сторону его теории социальной экономии, контуры которой через несколько лет будут обозначены в “Основных проблемах экономической статики и динамики”.

Несмотря на существование множества не согласующихся постановок проблем, разнообразие подходов к их решению, в период, о котором мы говорим, в области исследования циклов выделялись две сквозные темы. Одна из них – методологическая – касалась проблемы соотношения эмпирического и теоретического в контексте теории циклов. Речь шла о том, возможна ли абстрактная теория цикла, построенная дедуктивным способом на базе гипотез, касающихся индивидуального поведения и выведенных в основном интроспективно, или в силу специфики предмета допустима лишь теория как, если использовать термин Шумпетера, “объясняющая гипотеза”, возникающая из анализа фактических данных. Другая, связанная с первой, проблема – теоретическая, состояла в выяснении движущей силы цикла, но содержала и методологическую компоненту – вопрос о принципиальной возможности существования и определения этой единственной причины. Сторонники абстрактной теории более строго придерживались идеи существования единственной причины (что, разумеется, не исключало разногласий в том, какова она), “эмпирики” же признавали действие нескольких сил, реализующихся отчасти независимым образом.

Как и в знаменитом споре о методе конца XIX в., лидерами сторонников теоретического подхода были представители австрийской школы – Л. фон Мизес и Ф. фон Хайек, к ним в данном вопросе присоединялись Й. Шумпетер, У. Джевонс, К. Виксель, А. Леве, отчасти А. Маршалл. Место исторической школы заняли ученые, принадлежавшие к различным направлениям, прежде всего американские ин-

---

¹⁶ Определение конъюнктуры будет дано позже в статье “К вопросу о понятиях экономической статики, динамики и конъюнктуры” (1924). В кн.: Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики.

¹⁷ Само по себе подобное утверждение вовсе не очевидно. Вопрос о принципиальной возможности теории динамики как большая методологическая и философская проблема только осознавался учеными в этот период. Интересный взгляд на эту проблему содержится в упомянутой статье Ф. Нортропа.

ституционалисты У. Митчелл¹⁸ и Дж.М. Кларк, а также французский статистик К. Жюгляр¹⁹, немецкий экономист Ф. Лутц и др. К числу сторонников монистического подхода к вопросу о причинах цикла можно, хотя и с известными оговорками, отнести Дж. Гобсона, А. Шпитгофа, А. Афальиона, Р. Хоутри, К. Викселя, Ф. фон Хайека, Й. Шумпетера, среди сторонников плюралистического подхода следует назвать Ж. Лескюра, Г. Касселя, М. Туган-Барановского, У. Митчелла, Ф. Тауссига, Дж.Б. Кларка и др. Как видим, имеют место пересечения двух групп, что вполне закономерно. Далее, что касается причин цикла, то выделялись институциональные факторы, инновации, особенности производственного процесса (в первую очередь высокая степень окольности производства), специфика рыночного взаимодействия в условиях неопределенности, деньги и характер денежной системы и т.д.

Главные аргументы сторонников эмпирического подхода сводились к следующему: абстрактная теория – прежде всего теория равновесия, а циклические колебания – это отклонения от равновесия, отсюда противоречие между инструментарием и явлением²⁰; абстрактная теория в силу ограниченного числа простых гипотез упускает из виду многие содержательные стороны явлений, что заставляет теоретиков прибегать к дополнительным экзогенным ограничениям и/или корректировать базисные положения фундаментальной модели; выводы абстрактной теории, полученные на основе гипотез об индивидуальном поведении, не позволяют объяснить изменения агрегированных статистических показателей, которые и характеризуют конъюнктуру; наконец, невозможность при данном уровне знаний выделить главную причину цикла заставляет обращаться к анализу временных рядов.

Подчеркнем, что сторонники эмпирического подхода не отрицали важности и необходимости теории, они лишь настаивали на том, чтобы она была отличной от той, которая в современной им экономической науке ассоциируется со словом “теория”. “Теория экономических процессов сама по себе, – писал, характеризуя позицию Митчелла, Шумпетер, – должна оставаться теорией, но ей надлежит стать теорией, построенной на базе результатов тщательного осмыс-

¹⁸ Mitchell W. Business Cycles: The Problem and Its Setting. Berkeley, University of California Press, 1913; Business Cycles: The Problems and Its Setting. N.Y.: NBER, 1927; см. также: Mitchell's Business Cycles (1930). In: Schumpeter J. Ten Great Economists from Marx to Keynes. L.: Routledge, 1997,

¹⁹ Juglar C. Des crises commerciales et de leur retour périodique. Paris, 2d ed., 1889.

²⁰ Несколько серьезно восприняли эту критику сторонники абстрактной теории, можно судить хотя бы по тому, что Ф. Хайек, пытаясь преодолеть эту коллизию в рамках теоретического подхода при объяснении механизма цикла, центральную роль отвел депьгам – уникальному феномену, который, строго говоря, не вписывается в теорию равновесия, но позволил ему объяснить циклические колебания (Hayek F. Monetary Theory and the Trade Cycle. L.: The Alden Press, 1933). Ответом на эту критику были и отказ Шумпетера от равновесной модели, и его обращение к эволюционной теории. По итому пути через 50 лет пошли современные сторонники чистой теории – новые классики: они признали цикл равновесным феноменом и тем самым устранили коллизию между исследуемым явлением и инструментарием (см., например: Snowdon B., Vane H., Wynarczyk P. A Modern Guide to Macroeconomics. Cheltenham, Northampton, Edward Elgar, 1994).

ления реального поведения и – так как он не исключал в принципе ни интроспекции, ни психологической интерпретации, порожденной интроспекцией, – мотиваций”²¹.

Разумеется, у приверженцев априоризма и дедуктивного подхода были свои аргументы. Это: никакие эмпирические исследования не могут быть независимыми от представлений ученого о характере изучаемого явления и его механизме, то есть от теоретического представления; сами по себе эмпирические исследования могут выявить лишь статистические зависимости, имеющие ограниченное значение для установления причинно-следственных связей²²; эмпирические исследования важны для иллюстрации и получения прогнозов, и только через прогнозирование теория подтверждает свою практическую значимость, но ценность прогноза зависит от надежности теоретической конструкции, на которую он опирается²³; наконец, надежды на значительное продвижение в теории в результате расширения эмпирических исследований являются следствием ошибочных представлений о связи между ними²⁴. В итоге окончательное решение вопроса о важности того или иного феномена для объяснения циклического процесса не может быть оставлено на долю математического и статистического анализа, основу анализа должно составлять знание, полученное теоретическим путем²⁵.

В работах по проблемам циклов Кондратьев, безусловно, выступает сторонником эмпирического подхода в его широкой трактовке в духе Митчелла. Определяя область своих исследований как теорию динамики, он полагал, что ее задача – установление закономерностей между элементами экономической системы в их *изменении в реальном времени*, что эти элементы характеризуются *количественными показателями*, что закономерности между ними проявляются прежде всего через *статистические зависимости*. Наконец, практическая значимость теории определяется теми возможностями, которые она открывает для прогнозирования в том смысле, как это представлено в его статьях “Проблема предвидения” и “План и предвидение”²⁶.

Как уже упоминалось, Кондратьев считал частью общей теории динамики теорию конъюнктуры, или теорию циклических процессов, которая и была предметом его рассмотрения. Поскольку конъюнктура данного момента, согласно его формулировке, – “направление и степень изменения совокупности элементов народнохозяйствен-

---

²¹ Schumpeter J. Ten Great Economists from Marx to Keynes, p. 246.

²² Как писал А. Пигу, “отсутствие статистической корреляции между теми или иными изменениями и промышленными колебаниями само по себе не опровергает, а ее наличие не доказывает, что эти изменения являются причиной данных колебаний” (Pigou A. Industrial Fluctuations. 2nd ed. L.: Macmillan, 1929, p. 37).

²³ Hayek F. Monetary Theory and Trade Cycle, p. 35–39.

²⁴ Löwe A. Wir ist Konjunkturtheorie überhaupt möglich? – Weltwirtschaftliches Archiv, October 1926.

²⁵ Altschul E. Konjunkturtheorie und Konjunkturstatistik. – Archiv für Sozialwissenschaft und Soziopolitik, 1926, vol. 55, S. 85.

²⁶ План и предвидение (1927 г.). В кн.: Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики; Проблема предвидения (1926 г.). В кн.: Кондратьев Н.Д. Избранные сочинения. М.: Экономика, 1993.

ной жизни по сравнению с предшествующим моментом”²⁷, понятно внимание ученого к определению круга соответствующих элементов, сбору и анализу статистических данных. Именно на базе анализа данных он в полном соответствии с эмпирическим подходом разработал концепцию больших циклов. Эта концепция была не теорией в классическом смысле слова, то есть логической схемой, построенной на основе поведенческих гипотез, а той объясняющей гипотезой, возникшей из анализа фактов, которую имели в виду Митчелл и другие представители эмпирического направления.

В работах, посвященных циклам и конъюнктуре, Кондратьев выступил как сторонник не только индуктивно-эмпирического метода создания теории, но и плюралистического подхода к анализу причин долгосрочных циклических колебаний. При объяснении механизма цикла он указывал на инновации, взаимосвязанность отраслей, специфику системы распределения, особенности функционирования банковской системы, сложившиеся отношения в сельском хозяйстве и т.д. Можно сказать, что он шел по пути, близкому Туган-Барановскому, Шпилгофу, Шумпетеру, Касселю, но также заимствуя отдельные элементы денежных теорий циклов у Жюгляра, Сиджуиника, Хоутри и др. Естественно, некоторые критические замечания, высказанные в адрес этих ученых, относятся и к его концепции. Но, признавая эту критику, следует иметь в виду, что свою основную задачу, по крайней мере, на начальном этапе исследований ученый видел не в создании исчерпывающей теории или модели, воспроизводящей механизм цикла, а в изучении фактического движения конъюнктур и в определении круга их показателей, наполнении последних статистическим содержанием.

Заслуга Кондратьева в данной области состоит не столько в объяснении того, как импульс, идущий от нововведений, распространяется в экономике и приводит к возникновению кумулятивного процесса, какие обстоятельства вызывают его остановку и как формируются условия нового подъема, сколько в формулировании гипотезы больших циклов и ее эмпирическом обосновании. Указанная концепция в некотором смысле – не более чем эмпирическая иллюстрация одного из разделов его будущей теории динамики. И здесь мы обращаемся к работе “Основные проблемы экономической статики и динамики”, в которой он должен был представить принципиально новую теорию социальной экономии, основанную на статистико-вероятностном мировоззрении, а в методологическом плане – решить задачу “примирения” теоретического и эмпирического принципов построения теории, индивидуального и социального подходов, статической и динамической точек зрения.

Будучи, как и многие представители его поколения, сторонником философии позитивизма, Кондратьев исходил из единства наук, и в условиях бурного развития естественных наук видел в их методах объект для заимствования социальными науками. Заметим, что

²⁷ К вопросу о понятиях экономической статики, динамики и конъюнктуры. В кн.: Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики, с. 70.

речь идет о так называемой классической науке, к которой относится, например, физика доквантового периода. Каким же может быть мировоззрение исследователя социальных явлений, стремящегося к точности и объективности, сопоставимыми с теми, которые демонстрируют естественные науки? Что может стать стержнем, объединяющим две ветви наук? Ответ Кондратьева: статистико-вероятностное мировоззрение, статистика и ее методы, пригодные для изучения явлений как физического, так и социального мира. Для Кондратьева статистический подход – не просто технический инструмент анализа, а способ видения реальности, определяющий и характер науки. Такой способ видения предполагает изначальное соединение теоретического и эмпирического подходов; если его применить к социальной области, он позволит преодолеть разрыв между индивидуальным и социальным уровнями анализа.

Центральным понятием социальной науки, отражающей это видение, Кондратьев считал совокупность – понятие, заимствованное им у А.А. Чупрова. Совокупность как статистический феномен предполагает такое большое чисто элементов, при котором действует закон больших чисел, определяющий совокупность как нечто, не сводящееся к простой сумме элементов, а образующее систему взаимосвязей, порождающую специфические явления. Кондратьев применяет понятие совокупности сначала к обществу, а затем к хозяйству, он трактует хозяйство как совокупность, определяемую спецификой деятельности индивидов, которую фиксирует экономический принцип – стремление к удовлетворению потребностей в условиях ограниченности ресурсов.

Таким образом, исходным элементом хозяйства остается человек, а его общественная природа проистекает из того факта, что оно (хозяйство) является совокупностью. Это означает, что люди действуют в соответствии с индивидуальными предпочтениями и осуществляют свой выбор, вступая во взаимоотношения с другими людьми, оказывая влияние на них и тем самым изменяя условия собственной деятельности. Результаты, возникающие в совокупности, в силу массового и сложного характера взаимодействия представляются слаженными, усредненными и неизбежными и не сводящимися к индивидуальным. По существу, речь здесь идет об известном в философии и связанном с именем В. Бундта законе гетерономии целей и не менее известном в экономике и связанном с именем А. Смита принципе неинтенциональности результатов. В рамках кондратьевского подхода “невидимая рука” – это название стихийного и не поддающегося контролю процесса преобразования индивидуальных действий в социальный результат, отраженного законом больших чисел.

Итак, статистический подход позволяет Кондратьеву сохранить индивида как исходный элемент хозяйства и в то же время сосредоточиться на анализе хозяйства как социальном явлении. При этом “социальность” не имеет никакого классового, культурного или этического оттенка, а является исключительно следствием специфики взаимодействия большого числа субъектов. Подобный подход предполагает, что экономическая наука изучает общественную природу хозяйственной деятельности, а ее задача (которую Кондратьев форму-

лирует не без влияния неокантианцев²⁸) состоит в установлении системы однозначных причинно-следственных связей, то есть закономерностей, которые выступают результатом действия закона больших чисел и которые проявляются в той мере, в какой этот закон действует²⁹.

Закономерно, что при обсуждении проблем познания Н.Д. Кондратьев уделяет большое внимание вопросу о природе случайного. Он отвечает на него, скорее, в духе характерного для XIX в. детерминизма, признавая случайность как факт, имеющий в большей степени гносеологическую, нежели онтологическую, природу. Именно ограниченность способностей человека и существующего на данный момент знания, с его точки зрения, делает неизбежным "укорачивание" рассматриваемого "дерева" причинных связей, причем процедура "укорачивания" происходит не только в пространстве, но и во времени. Проблема ограниченности во времени отчасти преодолевается, когда исследуются повторяющиеся, единообразные, регулярные события, поэтому он и обращается прежде всего к циклическим процессам и ставит задачу определить законы, выраждающие ход единообразных явлений во времени. Но специфика общественных явлений состоит в том, что они, с точки зрения наблюдателя, протекают слишком медленно (действие и результат разделены в пространстве и во времени), и в каждый данный момент число действий и действующих субъектов совсем невелико по сравнению с тем, что понимается под большими числами в естественных науках. В итоге закон больших чисел применительно к общественным явлениям не дает тех результатов, что в естественных науках, а установленные закономерности неизбежно носят вероятностный характер. Этот принципиальный вывод определяет очень многое, в частности, представления о соотношении между теорией и фактами, о возможностях практического использования теории, прежде всего в целях прогнозирования, и т.д. Это – первый, методологический результат применения статистико-вероятностного подхода, который получил Кондратьев. Вторым должна была стать теория экономической динамики.

Н.Д. Кондратьев справедливо считал, что ни одна из известных ему школ не располагала динамической теорией: неоклассика в силу специфики базисных предпосылок, придающих ее теории статический характер, историческая школа – из-за того, что она не предлагала никакой теории, подменяя ее историческим описанием. Более того, ссылаясь на то, что наука может исследовать только регулярные события, он отрицательно отнесся к попытке Шумпетера создать динамическую теорию, центральным элементом которой была инновационная деятельность предпринимателя. Кондратьев, безусловно, надеялся показать, что его подход открывает перспективу анализа не только статики, но и динамики.

²⁸ Всесторонний анализ философских и социологических оснований позиции Н.Д. Кондратьева дан в: Давыдов Ю. Н.Д. Кондратьев и вероятностно-статистическая философия социальных наук. В кн.: Кондратьев Н.Д. Основные проблемы экономической статики и динамики.

²⁹ Кондратьев Н.Д. Основные проблемы экономической статики и динамики, с. 219.

Что касается статики – применения статистико-вероятностного подхода к анализу равновесия, то здесь, по его собственному признанию, не удалось получить ничего принципиально нового по сравнению с традиционным подходом, хотя сама возможность осуществления сделок по неравновесным ценам открывала путь к анализу неравновесных процессов. Более интересным представлялось ему рассмотрение последовательности равновесий разного уровня (аналогичных равновесиям различного порядка у Маршалла). Оказалось, что при переходе на более высокий уровень, то есть с уменьшением числа элементов, значения которых предполагаются заданными, все существенное становится фактор времени, другими словами, все большее значение приобретает элемент случайности, иррегулярности, уникальности. Как статистико-вероятностный подход мог в этом случае справиться с задачей выявления закономерностей регулярных событий во времени, остается неясным. Единственным доказательством ценности данного подхода могла бы стать теория экономической динамики. Увы, линия рассуждений прервалась на самом интересном месте. Более того, сама идея статистико-вероятностной основы экономической науки была утрачена.

Мог ли путь, которым собирался идти Н.Д. Кондратьев, привести к разработке исследовательской парадигмы, более прогрессивной, чем неоклассическая, и позволяющей хотя бы частично разрешить фундаментальные методологические проблемы экономической науки – вопрос, на который мы вряд ли когда-либо получим ответ. Это – загадка, которую оставил нам ученый.